СЬПЕЦВЫПУСК: Менск, 30 кастрычніка – Тбілісі, 9 красавіка

НАВІНЫ

Выданьне Арганізацыйнага камітэту.

4 1989

БЕЛАРУСКАГА НАРОДНАГА ФРОНТУ ЗА ПЕРАБУДОВУ «АДРАДЖЭНЬНЕ»

«... новы фашызм пагражае скрываўленай рыдлёўкай, а мы на вачах у даволі абыякавага сьвету будзем вырашаць, як нам быць разам».

В.ЛАНДСЬБЕРГІС (з выступу на Балтыйскай асамблеі)

Тэлеграма

380004, Грузия, г.Тбилиси, пр. Руставели, 7.
Правление Союза писателей Грузии.

Дорогие грузинские братья и сестры! В эти скорбные дни варварства и насилия над Вашим благородным народом -- мы с Вами.

Мы вместе скорбим над утраченными человеческими жизнями.

Проклятие убийцам и Вечная Память Погибшим!

13 красавіка. Оргкомитет Белорусского Народного Фронта "Адраджэньне", г.Минск.

Ліст Эльдара Шэнгелая

Шаноуныя сябры!

Палітыка перабудовы дала нам падставы канчаткова паверыць у тое, што у нашай краіне настау канец беззаконьню і уседазволенасьці, якія так згубна адбіліся на нашай гісторыі, і што мы рэальна, а не на словах сталі на шляху стварэньня прававой дзяржавы.

Але сеньня на наш народ абрынулася бяда, якая перакрэсьліла нашыя надзеі -- на нашых вачах быу зьдзейсьнены акт вандалізму: 9 красавіка а 4.00 сьпецыяльна выкліканыя у Рэспубліку сьпецвойскі на бронетранспарцерах напалі на мірны мітынг і, выкарыстоуваючы саперныя рыдлеукі, дубінкі і атрутныя рэчывы (супрацьдзеяньне якім мясцовым медыкам невядомае), учынілі масавае фізічнае вынішчэньне людзей, у т.л. пасіуных удзельнікау мітынгу, нават галадуючых, што сядзелі на прыступках. Па афіцыйных зьвестках забіта 18 чалавек, сярод іх -- 16 жанчын і дзяучын (старэйшай было 70 гадоу, малодшай -- 16; адна сярод іх была цяжарная); паранены 250 чалавек (чацьвера знаходзяцца у цяжкім стане). Есьць зьніклыя бязь вестак

Нагодай для хваляваньняу у Тбілісі сталі селетнія неканстытуцыйныя выступленьні у Абхазіі 4 красавіка. У горадзе пачаліся дэманстрацыі і мітынгі без ужываньня сілы і без заклікау да гэтага. Потым мітынгі і дэманстрацыі вылiлiся у рух за далейшую демакратызацыю грамадства, за рэальнае ажыцьцяуленьне абвешчанага Леніным пынцыпу Дзяржаунага суверэнітэту саюзных рэспублік. Былі выкарыстаныя і радыкальныя лозунгі. Не падзяляючы па сутнасьці тыя або іншыя радыкальныя патрабаваньні нефармальных суполак, мы, тым ня менш, лічым іх непазьбежнымі выдаткамі працэсу дэмакратызацыі і упэуненыя, што падобныя патрабаваньні ні у якім разе ня могуць быць прычынаю найцяжэйшаму, нечуванаму для цывілізаванага сьвету масаваму вынішчэньню, якое можна класіфікаваць, як злачынства супраць народу.

Падкрэсьліваем -- гэта ня быу разгон дэманстрацыі, бо шляхі адыходу папярэдне былі перакрытыя войскам, не было адпаведнага паведамленьня пра тое, што зьбіраюцца рабіць войскі; людзей зьбівалі, не даючы ім магчымасьці выбрацца зь месца бойні, наносілі цяжкія цялесныя пашкоджаньні і дабівалі тых, хто хацеу уцячы або уратаваць параненых. Характэрная тая акалічнасьць, што салдаты пакалечылі работнікау міліцыі Грузінскай ССР, віна якіх была хіба у тым, што яны бяз зброі стараліся абараніць бездапаможных жанчын і дзяцей. Хаця гэта зьяуляецца непасрэдным выкананьнем імі грамадзянскага і службовага абавязку.

Мірных дэманстрантау забілі не "правакатары", яны загінулі не у таукатні (як паведамлялася у цэнтральнай прэсе, якая заняла тэндэнцыйную пазіцыю, выкарыстоувала хлусьню і ашуканства, жадаючы апраудаць карную акцыю уладау). Іх забілі узброеныя дубінкамі, саперными рыдлеукамі і атрутнымі рэчывамі салдаты сьпецчастак, дзеяньні якіх злачынна кваліфікаваць, як "бережные" (гэта таксама паведамлялася прэсаю).

9-га красавіка у праграме "Время" было абвешчана пра увядзеньне каменданцкае гадзіны у Тбілісі, і толькі пасьля гэтага па рэспубліканскай тэлевізіі а 22.50 выступіу генерал-палкоунік Радыенау, які паведаміу, што каменданцкая гадзіна уводзіцца з 23.00, г.зн. праз 10 хвілінау пасьля абвяшчэньня. Такім чынам, людзі, якія нічога ня ведалі пра гэта і знаходзіліся у гэты час на вуліцах, міжвольна ператварыліся у парушальнікау прадпісаньняу вайсковага становішча. Гэтая злачынная нядбайнасьць цывільных і вайсковых уладау прывяла да новых чалавечых ахвярау (па афіцыйных зьвестках забіты адзін чалавек, параненых пяць).

(Працяг на стар. 2)

"НАВІНЫ" -- "Век XX и мир", сакавік 1989.

Евгений БУДИНАС

ТЕРНИИ ПРАВДЫ

Об этом драматичном, едва не ставшем трагическим, событии уже много сказано в советской прессе. 30 октября прошлого года в Минске силами милиции, с участием спецвойск, было разогнано массовое шествие мирных граждан. Очевидец событий, известный белорусский автор, размышляя о последствиях конфликта, а точнее об отсутствии оных, задается рядом тревожных вопросов.

Итак, в воскресенье, 30 окт[illegible] в Минске был грубо разогнан [illegible]ный городским отделением Белорусского фонда культуры и товариществом молодых литераторов при Союзе писателей республики «Тутэйшыя», но запрещенный Мингорисполкомом десятитысячный митинг-реквием в День поминовения предков, «Дзяды».

Стараниями писателей Василя Быкова, Виктора Козько, Алеся Адамовича, Александра Борина, юриста Ларина страна знает историю про то, как люди, шедшие на кладбище с цветами, были встречены плотными рядами милиции, подкрепленной внутренними войсками МВД, мощной военной техникой (водометы, спецмашины для перевозки арестованных), отрядами непривычно одетых людей, со щитами, в касках, вооруженных дубинками и газовыми баллонами.

Уже публично засвидетельствованы и неправомерные действия властей, и явное нарушение законов органами МВД, выраженное в неспровоцированном нападении на граждан, в применении газовых баллончиков и прочих спецсредств, в устрашении мирного населения [illegible]енной мощью, в незаконном задержании (с применением физической силы) десятков людей, в нанесении нравственного оскорбления и попрании чести и достоинства многих тысяч граждан.

Рассказано и о других октябрьских событиях в Минске — учреждении творческими союзами историко-просветительского общества памяти жертв сталинизма «Мартиролог Белоруссии», создании оргкомитета Белорусского народного фронта в поддержку перестройки. И о последовавшей за этим размашистой кампании против творческой интеллигенции и молодежных неформальных объединений, апофеозом которой и стало 30 октября.

Общественной комиссией, созданной по инициативе одного из «самозванцев» — как печатно и публично теперь именуются лучшие представители белорусской культуры — писателя Василя Быкова, уже собраны и переданы в прокуратуру республики сотни свидетельских показаний, писем, фото- и кинодокументов, подтверждающих явное превышение милицией дозволенных законом и необходимых мер по обеспечению общественного порядка...

И хотя по-прежнему упорствуют члены комиссии Президиума Верховного Совета республики, продолжая утверждать в печати, что ничего из происшедшего 30 октября не происходило, по-прежнему (правда, с заметно поутихшим энтузиазмом) городские власти отстаивают свою правоту, по-прежнему руководство МВД республики уверяет общественность, что нарушений закона со стороны органов охраны общественного порядка не совершалось, а прокуратура республики так и не начинает следствия, видимо, дожидаясь «установки сверху», — всем уже ясно: замять дело, не признав правды и не наказав виновных, на сей раз не удастся.

Представляется очевидным и другое: события в Минске имеют весьма значительный и выходящий за рамки провинциального сюжета смысл. Что за ними и как к этому следует относиться?

Пожалуй, проще всего с ответом на

(Працяг на стар. 2)

ЛІСТ ЭЛЬДАРА ШЭНГЕЛАЯ

(Працяг са стар. 1)

Назаутра, кал1 насельн1цтва горада спрабавала выказаць свае пачуцьц1 традыцыйным1 знакам1 жалобы, вайсковыя патрул1 зрывал1 жалобныя павязк1, разьб1вал1 адзначаныя жалобным1 знакам1 машыны, палявал1 за 1м1 па вул1цах горада на бронетранспарцерах 1 танках. Падобныя 1нцыдэнты мел1 месца 1 пасьля аф1цыйна абвешчанай усенароднай жалобы.

Трагедыя, якая адбылася у Тб1л1с1, зьяуляецца трыгедыяй ня толькі грузінскага народу, яна мае м1жнароднае значэньне. Мы л1чым, што маем справу з прадуманай правакацыйнай акцыяй, якая падрывае асновы 1 мэты перабудовы.

Трагічныя падзе1 у Груз11 зьяуляюцца самым сур'езным ударам па справе перабудовы з таго часу, як яна была абвешчаная. Л1чым неабходным, зраб1ць гэтыя падзе1 прадметам п1льнага 1 зац1каулен-нага абмеркаваньня усей грамадскасьцю кра1ны.

Сябра Аргкам1тэту Народнага Фронту Груз11, к1нарэжысер Э.Шэнгелая.

Зь першых вуснаў

Ч а г е л а ш в 1 л 1 Аляксандр (Тб1л1с1, Глданск1 мас1у, 7-ы м1крараен, корп.24, кв.5): Раней я працавау на к1настуды1, цяпер -- садоун1кам у Батан1чным садзе. У тую ноч я таксама быу на м1тынгу 1 магу запэун1ць: н1хто з уладау не папярэдз1у пра тое, што будзе прыменена с1ла. Я бачыу, як на плошчы стаял1 машыны 1 танк1, але ня мог 1 падумаць, каб салдаты, як1я павінны абараняць нас ад ворагау, пачал1 зьб1ваць свой народ. Кал1 пайшл1 танк1, 50 чалавек легл1 упоперак праспэкта, 1 яны адступ1л1. Пасьля выйшау патрыярх 1 папрас1у нас разыйсьц1ся ц1 прапусьц1ць баявую тэхн1ку. Але кал1 б мы нават 1 пайшл1 у царкву, нас усе адно паб1л1 б, бо яны знарок да гэтага рыхтавал1ся. Хутка танк1 пайшл1 зноу, на гэты раз ланцугом, каб пазганяць людзей на тратуары. Мы прыц1скал1ся адз1н да аднаго так шчыльна, што цяжка было дыхаць. Сьледам за танкам1 1шл1 роуныя шыхты салдатау са шчытам1, у касках, з дуб1нкам1 1 саперным1 рыдлеукам1 напагатоу. Рыдлеук1 бл1шчэл1 у сьвятле л1хтароу. Гэта была сапраудная пс1х1чная атака. Сьледам за першым1 ланцугам1 салдатау 1шл1 1ншыя, узброеныя сьлезацечным газам 1 1ншай х1м1чнай зброяй невядомай вытворчасьц1 1 назвы. 1м насустрач пайшл1 жанчыны 1 дзец1. Усе думал1, што 1х не насьмеляцца крануць. Але для варварау 1 забойцау няма н1чога сьвятога. Я бачыу, як заб1л1 70-гадовую бабулю. Пасьля гэтага я, в1даць, ад х1м1чнае збро1, страц1у прытомнасьць. Кал1 апрытомнеу, дык убачыу, як салдаты даб1вал1 параненых. Каля мяне адз1н фашыст прыц1скау шчытом да асфальту 5-гадовае дз1ця, 1мкнучыся яго прыдушыць, а ягоныя таварышы па крывавым пагроме зьб1вал1 дуб1нкам1 мац1. Пра лес гэтай жанчыны 1 дз1цяц1, накольк1 я ведаю, н1чога не вядома: у сьп1сах заб1тых 1 параненых 1х няма. З рота у салдатау 1шла нейкая белая пена. Сваю крывавую бойню яны суправаджал1 вокл1чам1: "Получайте за Сталина 1 Берию!". Х1ба груз1нск1 народ в1наваты у 1хн1х злачынствах?

К е у л 1 ш в 1 л 1 Лаша (Тб1л1с1, вул. Казэ Мэсх1, 25): Людз1 сьпявал1 песьн1, танцавал1, грал1 на нацыянальных музычных 1нструментах. Пайшла чутка, што падцягнул1 войск1, але намеры у 1х м1рныя. Самае каштоунае, што есьць у чалавека -- гэта ягонае жыцьце. Таму мы верыл1, што салдаты нас не крануць. Патрыярх таксама казау, каб не баял1ся, не хвалявал1ся: галоунае -- не паддавацца на правакацы1. Мы укленчыл1, мал1л1ся 1 слухал1 патрыярха са сьвечкам1 у руках. Па просьбе патрыярха праспект быу расчышчаны дзеля праезду танкау, як1я мы сустрэл1 воплескам1. Кал1 танк1 пайшл1 у наступны раз, мы убачыл1 ланцуг1 салдатау з дуб1нкам1 1 маленьк1м1 вострым1 рыдлеукам1. Адразу, як толькі яны набл1з1л1ся да нас, пачалася бойня. Я паспрабавау уцячы, аля ня здолеу, бо было вельм1 шмат народу, а бакавыя вул1цы перакрыл1 салдаты. Мяне павал1л1 на зямлю 1 пачал1 б1ць, але ма1м таварышам удалося мяне адб1ць 1 уратаваць ад сьмерц1. У гэты час я убачыу крывавыя рыдлеук1 1 балончык1 з газам. 1м пырскал1 людзям у твар, яны падал1, пасьля чаго 1х пачынал1 б1ць дуб1нкам1 ц1 рыдлеукам1. Па тых, хто уцякау, стралял1 газавым1 вогненным1 кулям1, пра як1я я раней н1чога ня чуу. Мяне даганял1 тры разы, але я уцякау. Але раптам перада мною разарвалася газавая куля, 1 я страц1у прытомнасьць. Кал1 ачомауся, дык убачыу, як ланцугом паузуць танк1. З апошн1х с1лау я адпоуз у кусты 1 толькі дзякуючы гэтаму застауся жывы. З кустоу я бачыу, як адз1н малады хлопец выбег на праспект. Салдат убачыу яго 1 стрэл1у. Амаль непрытомны я папоуз дадому. Каля хлебнай крамы бачыу дзьвюх дзяучынак з расьсечаным1 галовам1. Пауз дарогу валял1ся мертвыя 1 паужывыя людз1. Дома у мя-

(Працяг на стар. 3).

ТЕРНИИ ПРАВДЫ

(Працяг са стар. 1)

вопрос о причинах упорства властей в непризнании очевидного. Вот как мне (естественно, с той долей допущения, которая неизбежна в условиях едва зарождающейся гласности, когда решения по-прежнему принимаются при закрытых дверях, а распоряжения отдаются неведомо кем) видится цепочка событий:

— городские власти (возможно, по согласованию с вышестоящими) допустили, мягко говоря, ряд ошибок. И вместо их признания принялась заверять всех в своей невиновности;

— органы МВД (возможно, не без указаний свыше) наворочали дел. И опять заверения в правомерности и законности действий, подкрепленные справкой комиссии МВД СССР о том, в частности, что газы не применялись (вопрос об их применении стал отчего-то ключевым);

— прокуратура республики (возможно, по чьей-то просьбе или под чьим-то давлением) криминала в действиях подразделений и работников МВД не обнаружила. И заверила комиссию Президиума Верховного Совета республики, что и жалоб-то на милицию не поступало. Дело, мол, не стоит выеденного яйца;

— вышеозначенная комиссия заверения приняла и подтвердила, обнародовав свои выводы. (К слову, абсолютное большинство известных мне свидетелей и участников событий, даже из числа выступивших в местной и центральной печати, о работе комиссии не знало);

— Президиум Верховного Совета эти выводы утвердил...

Вот уж воистину: чем больше проверяющих, тем больше нарушающих! А что прикажете делать мне, который все эти заверения и выводы **слышал**, а все происходящее 30-го **видел**, о чем и писал в газету?

Мы поступили следующим образом. Собрали с режиссером Ю. Хащеватским фото и кинокадры, показания свидетелей, отснятые на видео, сделали раскадровку двух попавших в объектив эпизодов с грубым насилием и применением газов, смонтировали в домашних условиях любительский фильм и показали его сначала секретарю горкома партии П. К. Кравченко, который в октябре был в отпуске и не принимал участия ни в митинге, ни в его разгоне, а потом прокурору республики Г. С. Тарнавскому и его подчиненным, кое-кто из которых, как неожиданно выяснилось, на митинге присутствовал.

— Где же вы были раньше? Отчего своевременно нам это не показали? — вздохнул Кравченко.

В том смысле, что дело уже обнародовано и поезд ушел.

Первый заместитель прокурора республики В. К. Кондратьев, раздраженно прервав мою, как он выразился, «болтовню» на том самом месте, когда я интересовался, нельзя ли разыскать заснятых на видео милиционеров, чтобы спросить их, кто и зачем давал им газовые балончики, взорвался:

— Показали? А вот теперь докажите!

В том смысле, что **против** прокуратуры (!) нам слабо.

И сразу кое-что прояснилось. Ведь если прокуратура теперь **не докажет**, что никаких нарушений закона 30-го не было, если городские власти **не сумеют** всех убедить, что поезд уже ушел, а комиссия **не отстоит** свои выводы, то меры придется принимать и к тем, кто виновников или сознательно прикрывал (возможно, под чьим-то нажимом) или проявлял недобросовестность в работе, обманывая комиссию, а тем самым и Президиум Верховного Совета БССР.

Но раз **вынуждены**, то и докажут, и сумеют, и отстоят. И тогда уже не им, а мне с нашим любительским фильмом и моими опубликованными свидетельствами скорее всего придется отвечать, как в старые и недобрые времена. По статье, которую и в новые времена пока еще никто не отменял. Выход (известный все по тем же недобрым временам) был один: искать понимание и поддержку «выше».

Достоверной информации о происходящем на пятом этаже красивого здания в центре Минска у публики, естественно, нет. Ни у читающей, ни у пишущей. В печати не опубликовано даже сообщение о декабрьской встрече первого секретаря ЦК Компартии Белоруссии Е. Е. Соколова с представителями Союза писателей республики.

Дефицит информации всегда восполняется домыслами, догадками и предположениями. И сводится все к главной группе вопросов. Знали или не знали «наверху» о готовящихся мерах по прекращению митинга? Если не знали, то почему? И кто тогда действия органов МВД санкционировал? Если узнали лишь впоследствии, то что именно? Всю ли правду? Если не всю, то почему? Оказались обманутыми или не захотели знать? Что за этим «не захотели»? Не то ли, что знать, — это значит действовать: оценивать ситуацию, принимать меры, наказывать виновных? Или бездействовать, но тогда быть осужденными за бездействие. Не в том ли дело, что не знать — проще?

Достоверно известно лишь то, что информация «наверх» поступала. И письма, и резолюции собраний, и телеграммы, и звонки. Не говоря уже о материалах прессы.

И вот в кабинете Председателя Президиума Верховного Совета республики Г. С. Таразевича я вижу... в некоторой степени растерянного человека. Что, впрочем, вполне естественно, когда на столе у тебя лежат официальные отписки, утверждающие одно и весьма желанное, а перед тобой сидит живой и внешне вполне нормальный очевидец, свидетельствующий о противоположном, к тому же чрезвычайно неприятном.

Необычная ситуация, непривычная реакция вчера еще такой послушной общественности, неожиданное поведение вчера еще такой «ручной» прессы. Раньше-то чего проще. Запретили митинг, его бы и не было. Да никто бы и не просил!.. А если уж прокуратура сообщила, комиссия заверила, Президиум постановил, пресса обнародовала — тут уже все. Точка. А теперь... Эти статьи, эти фотоснимки и фильмы, эти живые свидетели и пострадавшие... Кому верить? Самому что ли бросать государственные дела и идти разбираться?

Трудно. Непривычно. Непонятно.

Столица республики, еще вчера удивлявшей страну спокойствием и размеренностью общественной жизни, бурлит как котел. Растет недоумение, дестабилизируется обстановка. И обвиняются во всем власти...

В этой беседе с Г. С. Таразевичем, пытаясь каждый по-своему оценить ситуацию, мы сошлись, пожалуй, только в том, что объяснений происходящему может быть два: неумение, неподготовленность должностных лиц к работе в новых условиях, их неопытность, а где-то и прямо глупость или... Или преднамеренность.

Про неумение и глупость оставим. Речь идет не о нашаливших мальчиках, а об опытных, знающих свое дело работниках, не однажды проявлявших себя.

Тот же заместитель министра внутренних дел К. М. Платонов, руководивший, судя по кинокадрам, «прекращением» митинга, умно и в высшей степени профессионально вел себя, «усмиряя» однажды несанкционированную демонстрацию «афганцев»: сумел выйти один на один с колонной разбушевавшихся парней, найти с ними общий язык, избежать применения силы и столкновения. И если на этот раз он пошел на обострение, на конфликт, предположить можно только преднамеренность. Но в чем логика, где смысл?

С К. М. Платоновым понятно: так безоглядно действовать может только человек, выполняющий чей-то приказ, как минимум — чью-то установку. Жестокость ведь проявлялась к людям, не только не провоцировавшим ее, но даже не оказывавшим сопротивления, она носила, таким образом, наступательный характер.

Напрашивается мысль о попытке спровоцировать конфликт, подогреть, накалить ситуацию. Все поведение милиции свидетельствовало о политической подготовке, об «ориентации» личного состава, точнее, о его умышленном дезориентировании.

Кто же так «подставил» органы? И зачем? Уж не для того ли, чтобы потом показать «наверху» (милицией даже снимался специальный фильм), до чего дошли эти «распоясавшиеся» интеллигенты и неформалы? А это — зачем?

Трудно предположить столь дремучее непонимание властями того, что всякое демонстративное насилие вызывает протест, приводит к консолидации сопротивления, к осложнениям и даже трагическим последствиям.

Пойти на это можно только от безысходности, только отчаянно спасая себя и сжигая мосты к отступлению. Могло ли быть у определенных сил в

(Працяг на стар. 3)

ЗЬ ПЕРШЫХ ВУСНАУ (Працяг са стар. 2)

не дужа забалела галава, жывот, на целе зьявіл1ся чырвоныя плямы. Каля 11.00 я апынууся у шп1тал1. Дал1бог, я н1чога ня маю супраць рускага народу, 1 я зауседы быу шчыры да сва1х рус1кх братоу. Я выдатна разумею, што зьдзейсьн1у гэтае крывавае злачынства ня рускі народ, а ягоны бяздарны, тупагаловы 1 бязьл1тасны урад, як1 здольны на любы акт вандал1зму супраць свайго народу.

Г а г 1 ш в 1 л 1 Георг1 (Тб1л1с1, вул. Дз1дуб1нская, 17): Такога шаленства я ня бачыу нават у хрон1цы па тэлев1з11. Людз1 сьпявал1, танцавал1. Два разы мы прапускал1 танк1, але усе думал1, што нас проста палохаюць, а зброю ужыць не адважацца. Нечакана наляцел1 салдаты у касках са шчытам1. Першыя 1шл1 з дуб1нкам1, друг1 шыхт -- з вострым1 рыдлеукам1. Пачалася пан1ка. Людз1 падал1. Па ус1м пляцы несьл1ся крык1: "Памажыце! Дарогу! Разьб1л1 галаву! Расьсекл1 руку!". Увесь праспект быу зал1ты крывею. Майго сябра паран1л1, я скап1у яго пад пах1 1 пацягнуу. Каля таго месца, дзе стаял1 салдаты, я убачыу нейк1я пляшк1. Раптам пачууся выбух. Адразу ж закружылася галава. Дзьве гадз1ны я блукау па горадзе 1 тольк1 пасьля знайшоу свой дом. Узыйшоушы на ганак, я упау непрытомны. У шп1таль мяне прывезьл1 на хуткай дапамозе.

А р а б у л 1 Марыя (Тб1л1с1, вул. Нуцуб1дзэ, 221 -- 1 -- 29): Я выйшла з дому а 22.00. А 23.00 была ужо каля Дома Ураду. Там сьпявал1 песьн1, танцавал1, чытал1 вершы. У тры гадз1ны ночы пачауся дождж. Н1як1х агрэс1уных выкрыкау не было. Чул1, што пабл1зу стаяць танк1, але ня думал1, што будзе напад. Кал1 баявая тэхн1ка набл1з1лася, дык к1раун1к1 м1тынгу абвясьц1л1 у м1крафон: "Саступ1це дарогу 1 ня бойцеся, страляць ня будуць!". Пяць танкау спын1лася каля Дома Ураду. Народ пачау пляскаць у ладк1. Кал1 танк1 паехал1, я пачула крык1. Гэта напал1 салдаты. Над натоупам пав1с шэры туман. Дыхаць стала цяжка. Нехта сказау, што пусьц1л1 газ, 1 мы усе памром на месцы. Пачалася пан1ка. Хутка ад газау, ад таукатн1 людз1 пачал1 падаць. Я таксама страц1ла прытомнасьць, упала. Па мне таптал1ся 1 людз1, 1 салдаты. Аднечага я апрытомнела, в1даць, ад болю. Пачала ужо разьв1твацца з жыцьцем. Але мяне нехта з мужчынау падхап1у 1 адцягнуу у бок. Паузком я дабралася да храма. Зь яго вакна я бачыла, як салдаты хапаюць галадуючых 1 шпурляюць 1х, н1бы мях1 зь пяском, ун1з на зямлю. Мы зачын1л1ся у храме, але салдаты пачал1 ламаць дзьверы. Каб не груз1нская м1л1цыя, якая б1лася зь 1м1 каля дзьвярэй, дык яны, мабыць, ус1х нас заб1л1 б. Балончык1 з газам у царкву яны усе ж зак1нул1. Я зноу страц1ла прытомнасьць. З храма у шп1таль мяне завезла хуткая дапамога. Ганьба забойцам жанчын 1 дзяцей!

Зап1сау у тб1л1ск1м шп1тал1
В.Сядоу.

Тбілісі. 15 красавіка

У гэты дзень груз1нск1 народ праводз1у у апошн1 шлях сва1х бязьв1нна заб1тых сыноу 1 дачок. Да месца крывавай бойн1 адусюль 1шл1 людз1. Усе падыходы да Дома Ураду был1 усыпаныя жывым1 кветкам1, дрэвы абвязаныя жалобным1 стужкам1. Уздоуж праспекту Руставэл1 стаял1 мужчыны са сх1леным1 чорным1 сьцягам1 у руках. Плакал1 жанчыны, мужчыны, педьдетк1. Нельга было спакойна глядзець 1м у вочы. Няужо чалавечыя жыцьц1 можна адабраць так проста? Без вайны, без стых11 -- пасярод галоунай плошчы м1рнага горада? Дзе у наступны раз зьявяцца прафес1йныя забойцы з газам 1 саперным1 рыдлеукам1? Якое апрауданьне можна знайсьц1 гэтаму?

Нават у гэтую жалобную хв1л1ну войск1 не был1 выведзеныя з плошчы. Узброеныя аутаматам1 дэсантн1к1 п1льна сачыл1 за парадкам жалобнай працэс11. Каго 1 чаго баял1ся улады? Помсты за бязьв1нна прал1тую крыву? Х1ба у чарговы раз не засьведчаныя был1 гэтым 1хн1я поунае вар'яцтва 1 амаральнасьць?

Ня гледзячы на жорсткую забарону вайсковага каменданта праводз1ць любыя акцы1 сал1дарнасьц1, на плошчы перад Домам Ураду была ускладзена жалобная стужка з надп1сам: "Ахвярам 9 красав1ка у Груз11. Беларуск1 Народны Фронт". Што можа быць больш людскае 1 бл1зкае чалавечай душы 1 народу, чым спачуваньне 1 маральная падтрымка у хв1л1ну смутку?

Жанчыны у сьлязах цалавал1 гэтую стужку, ведаючы, што у бядзе яны не адны. Пажылы мужчына. зь

(Працяг на стар. 4)

ТЕРНИИ ПРАВДЫ
(Працяг са стар. 2)

городе и республике это ощущение безысходности и надвигающегося краха? И что это за силы?

Позволю себе собственную версию положения и расстановки сил.

С одной стороны — очевидные народнохозяйственные успехи республики на фоне страны, находившейся, мягко говоря, в предкризисном состоянии. Долговременный и последовательный рост экономических (промышленных, сельскохозяйственных) и социальных показателей («даже мясо на прилавках магазинов»), утверждающий руководство в правильности избранной и успешно (сравнительно с остальными регионами) осуществляемой хозяйственной, экономической стратегии, как бы не нуждающейся в коренной перестройке.

С другой стороны — вмешательство в эту сферу творческой интеллигенции, естественно, не удовлетворенной лишь относительными на фоне кризиса успехами, обеспокоенной экологическими последствиями интенсификации, — той же мелиорации, химизации, развития энергетики, в том числе и атомной. Справедливости ради отметим, что это вмешательство, чаще всего озабоченное и страстное, не всегда оказывалось столь же компетентным и профессиональным (обязан ли писатель или газетчик быть профессионалом в том, о чем он пишет, — вопрос отдельный). Порой оно и вовсе обретало характер нападок, иногда и спекулятивного свойства. Взаимное недопонимание вело к конфликту, к тому, что руководство и творческая интеллигенция начали говорить как бы на разных языках, плохо понимая друг друга.

Этой ситуацией умело воспользовались некоторые руководители и активисты идеологического сектора, где дела обстояли далеко не так хорошо, как в хозяйственном, успехами которого они прикрывались. Здесь безраздельно властвовали идеологи аппарата, державшие всё и всех в железных руках, если не сказать, в ежовых рукавицах. Всякие попытки поднять голос решительно и активно пресекались. Проблемы языка, национальной культуры, истории, образования, печати не решались и даже не обсуждались, а лишь накапливались, достигали критической массы, что неизбежно вело к взрыву.

Волна перемен, пусть не сразу, но докатилась и до белорусской столицы. Некоторым из руководителей идеологического сектора, остающимся на своих местах и при своих убеждениях, был публично предъявлен счет. Безраздельная власть аппарата пошатнулась.

Вчерашним (по методам и мировоззрению) идеологам оставалось два выхода: или перестроиться, или уйти. Судя по всему, они выбрали третий. Спасая себя, свои должности и собственную судьбу, решились на отчаянный и преступно безответственный шаг: столкнуть интеллигенцию с руководством, любой ценой убедить последнее в том, что разговаривать с «экстремистами» из творческих союзов можно только на языке силы.

Взаимное, старательно подогреваемое недопонимание руководства республики (к тому же изрядно обеспокоенного примером соседней Прибалтики) творческих сил способствовало успеху этой, казалось бы, сумасбродной затеи. Как показали события 30 октября, достигла определенных успехов и яростная пропагандистская кампания, развернутая с явной целью вбить клин между рабочим классом и интеллигенцией и даже натравить на нее милицию. Теперь идеологические начальники последними усилиями и любой ценой пытаются создать видимость, что ничего не случилось.

Мне кажется, именно это понимал и предвидел Алесь Адамович, утверждая в «Огоньке», что Минск заслужил печальную репутацию антиперестроечной Вандеи. И не просто Вандеи, как ему печатно и публично инкриминируется, а «Вандеи стараниями некоторых обществоведов и идеологических начальников», часть которых он назвал поименно.

События 30 октября и крики в ответ на наступление милиции: «Вандея! Вандея! Вандея!» эту печальную репутацию подтвердили.

Тем не менее, ничего противоестественного, а тем более неожиданного, в Минске не произошло.

Все естественно и нормально, если мы действительно живем в пору ломки общественного сознания, если мы не играем в революцию, а делаем её. Нормально, ровно на столько, на сколько вообще может быть нормальной революция. Она ведь не от хорошей жизни и. потому не бывает мягкой. Жизнь ведь не агитпункт, где «создаются все условия для исполнения гражданского долга».

Конечно, оторопь берет. И не столь даже от вероломства случившегося, сколько от того, как мелко ведут себя «нашалившие», как увиливают и выкручиваются. К этому мы оказались не подготовленными.

Хотя прекрасно понимали, на что шли. Еще когда только думали о совершенствовании хозяйственного механизма и ломали перья, упираясь в стену. И в конце концов, каждый своим путем приходил к догадке, что дело не в экономических и хозяйственных реформах, а в политической борьбе, в создании новой политической системы. Но политическая борьба — это борьба за власть, которую, как известно, без боя не отдают.

Кто сказал, что процессы оздоровления общества должны быть ровными и безболезненными? Где вы видели нарушителя, который признается раньше, чем его приперли к стенке?

Мы сетуем, что война идет «не по правилам», но разве мы настолько наивны, чтобы надеяться только на прямой и честный диалог? Без использования сторонами преимуществ? У одних, отождествляющих себя с партией и присваивающих себе идею обновления общества, преимущество в силе власти, но и слабость — их пошатнувшийся авторитет, их опостылевшие, изживающие себя методы. У других — преимущества новаторства и инициативы, но зачастую путаность позиций, неопытность и отсутствие выдержки.

Впрочем, проявленные 30 октября в Минске выдержка и дисциплина в ответ на провокацию и насилие — это уже победа прогрессивных сил.

Вообще в этой печальной «провинциальной» истории немало поводов для оптимизма. Ведь живем-то уже по-новому. И уже немалого добились. Когда это было, чтобы идеологические начальники приходили к нам на собрания и просили не бить в колокола, а колокола бы гудели?

Чтобы газету заставляли публиковать клевету, а она не публиковала? Чтобы газете запрещали печатать правду, а она ее печатала? Чтобы митинг не разрешали, а он проходил? Чтобы в творческих союзах не ссорились и не сводили друг с другом счеты, а консолидировались и действовали заодно? Чтобы митинг разгоняли, превышая законные меры, а потом отвечали за это...

Стоп. До этого мы пока не дожили. За это еще надо биться. Действовать. Но и отвечать за свои действия. Запретили митинг без должных оснований — отвечать. Пошли на запрещенный митинг — тоже отвечать. Слишком? Обидно? Но мы ведь сами выбрали этот путь. И теперь так будем жить довольно долго. Потому что мы еще только демократизируемся и до подлинной демократии нам пока еще далеко. Кроме того, не следует отождествлять демократию и справедливость. Демократия это только путь к справедливости, который никогда не бывает легким.

Впрочем, оптимизм невольно омрачают тревожные размышления. Сейчас, как бы стремясь в республике к конструктивному диалогу, многие «наверху» говорят об уроках этой истории. Ссылаются на неопытность. Надо, мол, учиться демократии, учиться жить и действовать в новых условиях. Первые уроки, мол, получены.

Ну, а если это не уроки, если это первые санкционированные шаги антиперестроечной Вандеи, переходящей в наступление? Упорство властей в нежелании признавать и исправлять ошибку, новые публикации с шельмованием в старом духе, новые высокие назначения прежних лиц, новые поступки минских градоначальников, вынудивших белорусских молодых неформалов провести свой съезд в Литве (!) — все это, плюс отсутствие гласных оценок событий со стороны верхних этажей власти, позволяет допустить худшее. И требует бдительности и мобилизации усилий. Потому что, если это так, и если антиперестроечная Вандея, перейдя в наступление, возьмет верх, то нам, говоря словами из выступления члена Политбюро ЦК КПСС А. Н. Яковлева в Перми, «может грозить не просто возврат к прежнему, к временам застойного сознания, но торжествующий свою победу, агрессивный и мстящий консерватизм». И вопрос А. Нуйкина, прозвучавший за «круглым столом» бюллетеня «Век XX и мир» — «с кем окажется армия, если у нас перестройку решат ликвидировать насильственными средствами?» — становится отнюдь не преждевременным. На чьей стороне могут оказаться подразделения МВД мы уже увидели в Минске 30 октября.

(Працяг са стар. 3)

ТБІЛІСІ. 13 КРАСАВІКА

як1м я разгаварыуся пазьней, сказау мне: "Дзякуй вам, браты-беларусы. Я вызваляу вашую зямлю у гады вайны. Мы ваявал1 супраць агульнага ворага, 1 я н1кол1 ня думау, што салдаты могуць заб1ваць свой народ... Дзякуй вам за падтрымку у цяжкую для груз1нау хв1л1ну".

В. Сядоу

Тэлеграма

380004, Грузия, г.Тбилиси, ул. Лаеелидзе, 2. Союз кинематографистов Грузинской ССР. Эльдару Шенгелая.

Мы, рабочие, служащие, студенты, представители творческой интеллигенции Минска, основываясь на публикациях в республиканских партийных изданиях ("Политический собеседник", "Вечерний Минск" и др.); на фактах искусственного создания в Республике острой политической конфронтации между парторганами и народом, политических расправ с активистами движения в защиту перестройки, сплотившихся вокруг Оргкомитета Белорусского Народного Фронта, и преднамеренного разжигания именно идеологическим руководством межнациональной розни в Республике; а также просмотрев фильм о трагических событиях в Тбилиси (Адпаведныя в1дэаматэрыялы был1 зьнятыя к1нематаграф1стам1 Груз11, перададзеныя у Саюз к1нематаграф1стау Беларус1 1 6 траўня 1989 паказаныя у Доме к1но у Менску. Асобная в1дэастужка нагадала глядачам пра падзе1 30 кастрычн1ка. Телеграма была складзеная пасьля гэтага прагляду. -- Рэд.), п р о т е с т у е м против назначения Г.С.Таразевича, Председателя Президиума Верховного Совета Белоруссии, председателем правительственной комиссии по расследованию преступления против мирных жителей Тбилиси.

Г.С.Таразевич -- один из главных виновников генеральной репетиции грузинских событий, имевшей место в Минске 30 октября 1988. Он же способствовал многочисленным грубейшим нарушениям Закона о выборах, продолжающихся под его руководством и поныне!

Мы убеждены, что в силу невысоких человеческих качеств и отсутствия нового политического мышления Г.С.Таразевич, как один из активных представителей антиперестроечных сил, не в состоянии объективно и принципиально оценить события в Грузии. Он лишь усугубит ситуацию.

Мы выражаем н е д о в е р и е Г.С.Таразевичу как председателю правительственной комиссии по расследованию преступлений в Тбилиси и считаем своим долгом поставить в известность об этом общественность Грузии.

Обращаем внимание, что грузинская трагедия произошла в значительной мере потому, что не были привлечены к уголовной и партийной ответствености виновники преступления против мирного населения Минска 30 октября 1988 во время проведения Дня памяти умерших -- "Дзяды".

Мы глубоко скорбим по невинно убитым людям, выражаем соболезнование их родным и близким, всей Грузии, и требуем привлечь к ответственности истинных виновников нарушения Всеобщей Декларации прав человека, Венской конвенции, ленинских принципов построения гуманного общества.

Хватит вбивать клин между представителями разных национальностей, стравливать их между собой в угоду антиперестроечным силам и отвлекать от решения неотложных задач перестройки.

По поручению присутствовавших на собрании (Прысутн1чала каля 200 чалавек. -- Рэд.):

Евгений Будинас, член Союза писателей СССР;

Олег Белоусов, секретарь Союза кинематографистов БССР;

Зенон Позняк, председатель общества "Мартыралог Беларус1";

Наталья Котвицкая, член экспертной группы при Оргкомитете БНФ "Адраджэньне".

(Тэкст тэлеграмы прыняты адз1нагалосна. Анаяаг1чныя тэлеграмы нак1раваныя Старшын1 Прэз1дыума Вярхоунага Савета СССР тав. М.Гарбачову, Саюзу п1сьменьн1кау Груз11, у рэдакцы1 газет "Московские новости", "Известия", часоп1с "Огонек", народным дэпутатам СССР Алесю Адамов1чу, Вас1лю Быкаву, Аляксандру Дабравольскаму, Аляксандру Жураулеву.)

Па тэхн1чных прычынах набор гэтага тэкста зроблены без трох л1тарау беларускага алфав1ту. У наступным выпуску гэты недахоп будзе л1кв1даваны.

"НАВІНЫ" -- Кам'яуніма цеса" (Вільня), 20 красавіка 1989.

ТРАГИЧЕСКАЯ НОЧЬ В ТБИЛИСИ

Репортаж обозревателя «Литературной газеты», ставшего очевидцем событий в ночь с 8 на 9 апреля

Слишком мало времени прошло с этой трагической ночи, чтобы осознать сложную ситуацию, которая привела к побоищу на площади перед Домом правительства.

Начавшиеся во вторник 4 апреля самовольные собрания довольно быстро сняли с повестки дня абхазский вопрос. Уже со среды начались голодовки на площади и непрекращающийся митинг, на котором лидеры неформальных объединений ставили вопрос о необходимости суверенитета Грузии.

Митинг, проходивший 8 апреля, мало чем отличался по форме и содержанию от проходившего накануне.

Площадь была запружена народом. По моим подсчетам, там было до 10 тысяч человек, часть из которых сидела на тротуаре, часть стояла на мостовой и на другой стороне проспекта.

Приблизительно в 3.30 утра у микрофона появился патриарх — католикос Илия II, который сказал, что, по имеющимся у него сведениям, возможно применение силы для очистки площади. Он призвал всех покинуть улицу и отправиться в церковь. Однако демонстранты отказались покинуть свои места, хотя все — и организаторы митинга, и его участники — знали, что на площади Ленина в готовности, стоят войска и боевые машины. По проезжей части проспекта бегали люди, призывая всех зайти на тротуары и не проявлять агрессивных действий по отношению к солдатам, которые выполняют приказ. В четыре утра без предупреждения четыре бронетранспортера, выстроившись в линию, двинулись по улице со скоростью километров десять в час. К этому моменту мостовая была очищена самими демонстрантами. Пропустив машины, толпа сомкнулась. Следом за бронетранспортерами шли солдаты в бронежилетах, со щитами и дубинками. Оказавшись перед линией людей, они остановились.

Я был метрах в пяти от противостояния, слышал крики. Какая-то женщина бросила в строй туфлю. Возможно, кто-то из собравшихся проявил несдержанность, хотя на митинге призывали к непротивлению. Камней, палок в этой фазе драмы я не видел.

Затем, словно по команде, взметнулись дубинки. Из боковой улицы вышли другие группы солдат. У кого не было дубинок, пользовались саперными лопатками. Солдаты стали теснить демонстрантов, которые активно сопротивлялись. В ход пошли камни, палки, выломанные тут же из ограждения, дубинки, отобранные у солдат. Кто, не успев убежать, остался за линией цепи и спрятался в кустах, надеясь спастись, оказались ранеными. В убегающую толпу полетели гранаты со слезоточивым газом. Одна граната упала рядом со мной. Резкая боль в глазах, слезы не давали снимать. В возникшей панике толпа бежала по тем, кто не смог оправиться от сильных ударов по голове, и по тем, кто не смог выдержать гонки и упал. Не успев увернуться от удара, я получил по спине дубинкой и побежал к улице Джорджиашвили, пряча аппарат под куртку.

В течение часа проспект был очищен от демонстрантов. На мостовой остались камни, разбитая видеокамера, вещи и несколько автобусов и грузовиков, которыми демонстранты закрыли основные улицы и проспект, защищаясь от возможной танковой атаки.

Утром 9-го в больницах была оказана помощь пострадавшим от ударов «тупыми и режущими предметами», от отравления не известным врачам «токсичным газом», вызывавшим сыпь и удушье. На стенах были вывешены списки ста пятидесяти пострадавших и погибших. Среди шестнадцати трупов — четырнадцать женщин. Старшей, из тех, что я видел, лет семьдесят. Младшей — лет шестнадцать-семнадцать.

Пострадало девяносто солдат и милиционеров. 9 апреля по городу ездили машины с черными лентами и включенными сигналами. В больнице № 1 из морга группа людей взяла трупы, чтобы отнести их в церковь Сиони. Прибывшие войска разогнали попытку этой демонстрации. Выстрелами прямо из кабины проезжавшего ГАЗ-66 были ранены несколько человек. Одного из них, 13-летнего мальчишку Левана Чакадири, который держался молодцом, я помогал доставить в приемный покой. В тот же день были арестованы пятеро лидеров радикальных неформалов.

В 22.55 по местному телевидению выступил комендант Тбилиси генерал-полковник Родионов, который объявил, что с 23 часов 10 апреля, т. е. через 5 минут, вводится комендантский час. Многие жители, не зная об этом, оставались в городе.

В эту же ночь было подвергнуто задержанию более 300 человек. Четверо ранено, один из них в критическом состоянии. Войсковые подразделения и боевые машины блокировали мосты, расположились вблизи важных объектов.

Вчера, хотя часть предприятий приступила к работе, обстановка в городе оставалась довольно напряженной. Над Тбилиси летают вертолеты, постоянно передвигаются танки и бронетранспортеры, слышатся предупредительные автоматные очереди в местах, где скапливаются люди. Патрули снимают с машин черные ленты и бордовые с черным знамена...

Для разработки мер по нормализации положения в Тбилиси прибыли члены Политбюро Э. А. Шеварднадзе и секретарь ЦК КПСС Г. П. Разумовский. 11 апреля объявлен днем траура.

По горячим следам безответственно делать выводы в столь сложной обстановке, однако безусловно то, что, с одной стороны, никакими политическими программами невозможно оправдать гибель ни в чем не повинных людей, и с другой — защита государственных интересов, то есть интересов людей методами, подвергающими опасности жизнь этих людей, категорически неприемлема.

Разгоны несанкционированных митингов и демонстраций подобными средствами приносят нашей стране, вставшей на путь демократизации, гораздо больше вреда, чем сами эти митинги и демонстрации, даже если их квалифицировать, как многотысячные «сборища, инспирированные кучкой экстремистов».

Было напечатано в газете «Молодежь Грузии».

Ю. РОСТ.

Нумар падрыхтавал1 А.Суша, 1.Дрозд, П.Пячонка. 19.05.1989.